

Виктор ДЬЯКОВ

ИЗО ВСЕХ ОРУДИЙ

Виктор Елисеевич Дьяков

Изо всех орудий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38236867

SelfPub; 2018

Аннотация

Вторая чеченская война. В расположение бригады, ведущей боевые действия, с инспекцией приезжает командующий армией. Он доволен результатами проверки и уже собирается уезжать. Но тут генерал узрел нечто, что его буквально взбесило...

ИЗО ВСЕХ ОРУДИЙ

рассказ

В энской общевойсковой бригаде, ведущей боевые действия против так называемых незаконных вооруженных бандформирований, ждали приезда командующего армией. Еще с вечера предыдущего дня комбриг-полковник поставил соответствующие задачи командирам батальонов и приданных бригаде артиллерийских дивизионов, те командирам рот и батарей, и так по цепочке приказ дошел до личного состава. Комбриг мыслил еще категориями советского времени, и потому ориентировал подчиненных в первую очередь на наведение внешнего «лоска», чтобы прежде всего привели в порядок отхожие места и прочие «грязные» объекты: пищеблоки, курилки ... Ну, и конечно, что бы солдаты смотрелись: обмундирование не грязное, не порвано и все прочее. Вообще-то полковника, совсем недавно принявшего бригаду, предупредили – командарм на все это не очень обращает внимание, а руководствуется при инспекциях подчиненных ему частей и подразделений несколько иными критериями.

Но нелегко было комбригу, заканчивавшему и училище, и академию еще в советские времена, молодым офицером

служившего в ГСВГ ... нелегко мыслить не по-советски. К тому же командарма полковник не то чтобы не уважал, он его считал в какой-то степени скороспелкой, выскочкой. И в самом деле, ему комбригу, полковнику сорок пять лет и командарму, генералу тоже сорок пять. Ну, да тот отличился в первую войну, но та война была проиграна, пусть и не нынешнего командарма в том вина, а политиков и этого не нюхавшего настоящего пороха горлопана с птичьей фамилией, подписавшего унижительный для России мир. И все равно непонятно почему его так возвысили, за что поставили на армию!? И вот имеем, что имеем, они ровесники, но он всего лишь на «вилочной», полковник-генерал-майор должности, а тот аж на генерал-полковничьей. И что вообще не поддается ни каким объяснениям, то что командарм не имел и не имеет никакого блата. Первую войну он начинал полковником, и надо же, как сумел преуспеть в той неудачной войне, вырос как гриб после дождя. Нет, в старые добрые советские времена так могли «расти» только дети и родственники первых лиц государства. Да и сейчас так же было бы, если бы не война, а войны они иногда и вот такой шанс безродным дают, особенно такие специфические как эти две.

Командарм не приехал внезапно, как это практиковали многие высокопоставленные военачальники. Он позвонил заранее и появился на позиции бригады именно в тот час, когда его и ждали ... Они совсем не походили друг на дру-

га эти сорокапятилетние полковник и генерал. Первый самолицетворение молодцеватости и стройности, в нем сразу угадывалась особая ГСВГешная закваска – по фигуре он смотрелась гораздо моложе своих лет. Второй ... генерал наоборот выглядел более пожилым, чем на самом деле и казался лет на семь-восемь старше комбрига. Он был чрезмерно грузным, даже обрюзгшим и, что сразу видно, не очень заботился о том, какое производит впечатление. Тем не менее, выходя из УАЗика, он обнаружил немалую подвижность, явно не по фигуре. Полковник подал команду «Смирно», подошел чеканя шаг, насколько позволяла пыль и каменистый грунт, доложил ...

Командарм тут же скомандовал: «Вольно» и протянул комбригу руку:

– Здравствуй Виталий Николаевич, давай показывай свои боевые порядки. У нас с тобой на все про все час, от силы полтора. А то мне сегодня надо успеть кроме твоего еще два хозяйства посмотреть.

– Как же, товарищ командующий ... а поесть? Мы рассчитывали, что вы до обеда у нас пробудете, – изобразил нечто вроде разочарования комбриг.

– Некогда, я вон сухпай с собой вожу. Да мне хоть совсем не ешь. На какую диету не сажусь, все равно несет, не пойму с чего, – генерал с усмешкой кивнул на некоторые явно выходящие за габариты портупей части своей фигуры. – Ладно, не будем время терять, пошли на твой КП.

Свита командующего из штаба армии, состоявшая в основном из разноэмблемных полковников, шла следом и вроде бы невзначай прислушивалась к тому, о чем говорили меж собой командарм и комбриг.

– К наступлению готов? – тем временем задал вопрос командующий.

– Так точно, почти, – чуть помедлив, ответил комбриг.

– Что значит почти?

– Я уже докладывал вам о неудовлетворительном состоянии автотранспорта, «Уралы» вообще на горных дорогах капризничают. Да и средства связи тоже ... Я, гляжу, начальник автослужбы армии с вами приехал, – комбриг кивнул на идущего в задних рядах свиты полковника с автомобильными «крылышками» в петлицах. – Может прямо сейчас с ним вопрос и решим.

– Да не решит он сейчас ничего. Во всех частях с автотранспортом та же картина, кое где еще хуже. Что ж ты хочешь по этим дорогам, по горам ездить ... не всякая машина выдержит. Все что он мог уже выдал, на армейских передвижных складах пусто, он мне так и доложил, и «Уралы» ему заменить нечем, сам будто не знаешь. Ладно, это второстепенное. Давай о главном – ты мне лучше доложи, как у тебя по линии ракетно-артиллерийского вооружения, снарядов, ракет, мин, патронов достаточно? – резко перевел вопрос с транспорта на боеприпасы генерал.

– Да, с этим все нормально, даже с избытком завезли, –

выражение лица комбрига свидетельствовало, что как раз о боеприпасах у него душа совсем не болит.

– Ну, и отлично. Нам сейчас главное не повторить ошибок первой войны, когда мы в какую-то дурацкую игру играли с криками ура и водружением знамен на президентских дворцах. Сколько бойцов зазря погребили. У нас такое преимущество в огневой мощи, что мы можем одним артиллерийским и минометным огнем смести почти всю эту погань, даже не вступая с ними в непосредственный контакт. Пони-маешь о чем я говорю, огнем задавить, и таким образом све-сти потери среди нашего личного состава к минимуму, осо-бенно сейчас, когда дело еще не дошло до штурма крупных населенных пунктов, – командующий поморщился словно от зубной боли и наклонился к уху комбрига, и, явно не желая чтобы его услышала свита, добавил. – Моя бы воля я здесь ни одного города, ни одного села не брал бы и не зачищал. Просто огнем бы сметал и дальше шел. Но разве там на та-кое пойдут, командарм ткнул пальцем в небо. – Они своих солдат предпочитают класть.

После КП, генерал пошел в расположение подразделений бригады, вглядываясь в вытягивающихся по стойке «смир-но» солдат, спросил у комбрига:

– Как с питанием, к продслужбе претензии есть?

– Так точно, – словно спохватился полковник. – Давно хо-тел этот вопрос поднять. Товарищ командующий, мы же как никак на переднем крае, боевые действия ведем. А кормить

бойцов предписано так, будто мы где-то в глубоком тылу сидим. Ну, разве можно на перловке этой или овсянке, потом день целый вкалывать, окопы рыть, технику обслуживать, в карауле стоять. Пусть их в тылу скармливают, а сюда гречки побольше, тушенку не эту новую, в которой мяса нет, а старую из спецрезерва. Я знаю, на складах такая в НЗ еще с советских времен лежит. А с таким питанием ... Вон, сами видите, какие у нас солдаты, почти половина с дефицитом веса. Как на «духов» посмотришь, когда в плен попадают ... Их там, наверное, отборной бараниной кормят, почти у всех рожи такие отожратые. Посодействуйте, товарищ командующий, надо бы солдатиков хотя бы на передовой по-хорошему кормить, а не овсом с перловкой.

– Впервые за все время командарм улыбнулся и похвалил комбрига:

– Молодец, правильно мыслишь. Только, понимаешь, Виталий Николаевич, ты хоть каждый день своих бойцов свежей говядиной, свининой и курятиной корми, они все равно как эти духи не станут. Какой у нас там сейчас призыв? – спрашивал командарм, скривив в хитром прищуре свое округлое вроде бы типично русское лицо и в то же время совсем нерусские, слегка раскосые глаза.

– Срочники в основном восьмидесятого – восемьдесят второго годов рождения, контрактники постарше, – не понимал к чему клонит генерал комбриг и счел необходимым уточнить. – Я срочников имел в виду, уж больно дохлые, на

некоторых смотреть без слез нельзя.

– А ты подумай, почему они такие? ... Родились то эти ребята, когда в России голодуха началась, а росли в Перестройку, самые голодные годы. А кто у нас сейчас по призыву служит? Ребята в основном с сел, поселков и маленьких городов, где во времена их детства самое плохое снабжение было. А эти, – командарм кивнул в сторону предгорий и «зеленки», где предположительно прятались боевики, – эти в своих горах всегда баранов от пуза жрали, с русскими не делились, а от России все за бесплатно имели. Весь Кавказ при советской власти лучше России жил. Вот с того у них всех и морды отожратые и шеи как у бугаев. Ты на это Николаич не заморачивайся, русскому солдатику только приказ отдай, он их всех, и с мордами, и с шеями порвет. Приказ, понимаешь, приказ бить, бить без пощады, как они нас бьют, только мы их сильнее ударить можем. А вот приказ-то как раз не всегда вовремя поступает, или вообще не поступает. А наш солдатик без приказа не может в полную силу, без оглядки воевать, оттого и потери. Особенно когда приказывают одновременно и воевать и беречь мирных жителей. Нет здесь мирных, они все, по крайней мере процентов девяносто нас убивать хотят. Наше дело не о этих, так называемых, мирных переживать, для этого в Думе депутатов как грязи, наше дело о наших солдатиках переживать. И смысл этой заботы таков: чтобы меньше наших гибло, надо как можно больше их убивать ...

Примерно то же, что говорил комбригу, командарм говорил во время встречи с офицерским составом бригады ... В общем, готовность бригады к наступлению и настрой личного состава командарму понравился. Он уже собирался завершать свой визит, направлялся к своему УАЗику, когда ... Бросив «прощальный» взгляд в сторону «зеленки», куда предстояло в ближайшие сутки наступать бригаде, командарму показалось, что он заметил чуть ближе «зеленки» какое-то непонятное копошение. До того противник вообще никак себя не обнаруживал.

– А это еще что такое? Твои, что ли там окапываются, – генерал буквально вперился в окуляры бинокля.

– Никак нет. Там двое духов что-то вроде выдвинутого наблюдательного поста оборудуют. Со вчерашнего вечера копают, – пояснил комбриг, посмотрев в свой бинокль туда же, куда и командарм. Про себя же отметил, что боевики за ночь успели отрыть окоп полного профиля, а сейчас, видимо, устраивают для себя что-то вроде удобств, ход сообщения чуть в сторону, скорее всего отхожее место.

– Так чего же ты их терпишь? Сбрей их оттуда, чтобы глаза не мозолили. Надо же, как тихо сидели, на ровном месте, на виду. И я их только сейчас заметил, – как будто сам с собой вел диалог генерал.

– Стоит ли, товарищ командующий. Они для нас ника-

кой опасности не представляют, а посылать снайперов, чтобы пристрелялись к ним. Это же надо чтобы они тоже на голой местности там удобную позицию нашли. А у тех «зеленка» за спиной, оттуда наших снайперов с гранатометов могут накрыть. Вы же сами приказывали избегать необоснованных потерь. А это как раз тот случай. Вреда от них ноль, оттуда снизу они нас не видят. Наверное, это двое молодых, ерепенистых джигитов хотят таким вот образом перед своими выпендриться. Дескать, вы в «зеленке» прячетесь, а мы крутые прямо у русских под носом окоп выроем.

– Что ж, верно мыслишь. Действительно, скорее всего это молодые и борзые, – согласился не отрываясь от бинокля генерал. – Постой, а зачем снайперов, у тебя что артиллерии нет, «Града»? Шарахни по ним, и никаких тебе потерь.

– Товарищ командующий это ж ... ну как вам ... все равно что из пушки по воробьям. Ведь артиллеристы с первого залпа их вряд ли накроют, они сразу побегут и спрячутся в зеленке, а мы только зря боеприпасы истратим, – отстаивал свою точку зрения комбриг, и ему казалось, что он привел бесспорные аргументы.

Но командарму так не казалось, напротив он смотрел на комбрига сначала удивленно, потом начал явно злиться – его лицо заливала краска бешенства, казалось даже белки глаз покраснели. Но он переборол гнев, успокоился, даже стал как будто бледнеть. Спросил стоящих рядом старших офицеров бригады:

– Кто еще так думает!?

Все молчали.

– Так кто же думает, что сохранить вагон боеприпасов важнее, чем похоронить в этом окопе двух оборзевших духов?

Не дождавшись ответа, генерал вновь стал багроветь и заговорил уже не терпящим возражений тоном:

– Да у нас этих боеприпасов, знаете сколько, на десять войн заготовлено. Производим и складуем, а когда срок годности проходит – уничтожаем. Так для чего же мы их производим, чтобы потом уничтожить, занимаемся пустым делом? Пусть хоть эти в дело пойдут. Знаете, я как-то на таком заводе был. Там много женщин работает, боеприпасы эти делают, в очень плохих условиях. Так что же они пустым трудом занимаются, напрасно мучаются. Нет, они те боеприпасы делают, чтобы мы ими убивали врагов России. В разное время у нас разные враги, а сейчас нет врага лютее этих, – командарм вновь кивнул в сторону «зеленки». – Они всегда были нам враги и в 18 веке и в 19-м, и в 20-м, и в 21-м будут. И что же мы будем экономить боеприпасы, когда их у нас, как говорится, хоть ж...й ешь. Те рабочие и те женщины, что в Коврове, Туле, Ижевске, других городах эти патроны, мины, снаряды делают, они знаете чего хотят? – командарм обвел взглядом окружавших, с удовлетворением отметил, что к нему прислушиваются и стоящие чуть в стороне солдаты. – Они хотят, чтобы их сыновей не резали, а доче-

рей не насиловали. А кто их сейчас режет и насилует по всей России, кроме нашей собственной шпаны? ... Ну шпана это не наше дело, этим МВД занимается ... Так кто кроме русской шпаны и в первую очередь беспредельничает в наших городах и поселках?...

Офицеры безмолвствовали, большинство, кроме тех, кто хорошо знал командарма, вообще не могли понять к чему он «читает» эту лекцию и куда клонит, а генерал продолжал ходить «вокруг да около»:

– Немцы что ли режут и насилуют? Нет, да среди наших солдат и офицеров есть немцы и это отличные солдаты и офицеры, сами знаете. Американцы, англичане? Нет, не режут и не насилуют русских они. Вот эти, такие же молодые и борзые приезжают в Россию и этим занимаются. Все это знают, но почему-то стесняются говорить. И там, в глубине России, милиция не может или не хочет с ними справиться. Они там почти неуязвимы почему-то. А тут у нас такая возможность законно, безо всяких помех их кончить. А мы будем боеприпасы жалеть? Да чтобы эти две борзоты после окончания войны не прикинулись мирными, не поехали в Россию не убивали там парней и не похабили девчонок ... Да я ради этого не вагон, эшелон боеприпасов готов истратить!

Командарм замолчал, вокруг возникла почти полная тишина, только где-то в полевом автопарке то заводился, то глох автомобильный движок. Никто не посмел ни возразить, ни поддержать. Возразить – боязно, поддержать ... Старшие

офицеры, воспитанные в советском духе, просто были не готовы мыслить в том же ключе, что и командующий. Их столько лет учили рассматривать в качестве вероятного противника американцев, англичан, французов и конечно немцев, что переключиться на врагов из бывших «братьев» было слишком сложно, все равно, что настроить мозги на другую «частоту». Далеко не каждый на это способен.

– У тебя дети есть? – не дождавшись реакции на «лекцию», задал вопрос командарм комбригу.

Комбриг, у которого как раз запускался процесс «перенастройки» его советских мозгов на «русскую» частоту ... он не сразу смог ответить на вроде бы не относящийся к теме обсуждения вопрос:

– Что ... дети? ... Да есть ... Сыну пятнадцать, дочке одиннадцать.

– Представь ... ну, например, тебя на этой войне убьют, кто то из таких, как эти. Ведь это вполне возможно, все под Богом ходим. А жена ... ну она горя не выдержит сляжет и тоже. У тебя есть родственники, которые о твоих детях в таком случае позаботится, к себе детей твоих возьмут?

Комбриг был настолько ошарашен нестандартным мышлением генерала, что вновь лишь после некоторого раздумья смог ответить:

– Нет ... то есть и мои родители и жены они очень бедно живут и нездоровы, детей вряд ли потянут.

– Тогда детям твоим прямая дорога в детдом. А детдома у

нас общие, в них рядом воспитываются и дети героев погибших за отечество, так и неблагополучные дети всяких алкашей и наркоманов, подкидыши и соответственно обстановка там далека от нормальной. Как думаешь, твои дети смогут оттуда выйти нормальными людьми? ... Вряд ли. А вот тот джигит, что тебя не дай Бог, пристрелит, такой же как эти молодой да борзый, он знаешь, что после войны сделает? Он мирным гражданином прикинется, поедет в Россию и в институт или университет поступит. Наши правозащитники все сделают, чтобы им были забронированы места в российских ВУЗах. А твои? ... За них ни один депутат, ни один чиновник пальцем не пошевелит.

Командарм отвернулся и вновь нацелил свой бинокль на окапывающихся боевиков.

– Огонь из всех орудий, из всех минометов, из всего чего можешь, но чтобы сейчас же на моих глазах эта «сладкая парочка» была уничтожена. Тебе подсказать, как это сделать, чтобы они не успели добежать до «зеленки», или сам догадаешься, полковник? – впервые за все время визита, командарм обратился к комбригу официально, по званию.

– Не надо, я знаю. Разрешите выполнять? – дрогнувшим голосом отреагировал комбриг.

– Выполняй!

– Товарищ командующий, мы из графика выбиваемся, здесь уже на десять минут больше запланированного находимся, – зашептал на ухо генералу адъютант.

– Черт с ним, с графиком, я хочу это видеть, – командарм поднял к глазам бинокль и стал наблюдать, как готовятся к бою огневые средства бригады.

Способ, благодаря которому, шансов выжить тем двух боевикам не оставалось, «лежал на поверхности», ибо его косвенно подсказл комбригу командарм – одновременный огонь из всех видов оружия кроме стрелкового и не жалеть боеприпасов. Боевики, «похоже» ничуть не сомневались, что на их скромные персоны федералы ни при каких условиях не станут обрушивать всю огневую мощь бригады. Во всяком случае, когда по одному маленькому окопчику начали одновременно бить гаубицы, «Грады», минометы ... они в первый момент явно растерялись. И хоть прямого попадания в окоп не случилось, но вокруг фактически все простреливалось, взрывалось, что они даже в сторону «зеленки» не могли бежать. Впрочем, когда первоначальный шок прошел, «духи» попытались прорваться к зеленке ... Они сумели преодолеть не более десяти метров, прежде чем их накрыл залп «Града» ...

– Ну вот, а ты говорил, не стоит боеприпасы тратить. Стоит, Виталий Николаевич, стоит. У меня бинокль особый, я их рожи хорошо видел, действительно молодые лет по двадцать, не больше. Так что эти боеприпасы зря не пропали. Эти двое уже точно в Россию не поедут, ни беспредельничать, ни учиться, ни лечиться. Ну все, поехал я, – командарм

протянул руку комбригу и сел в УАЗик. Вид у него был удовлетворенный.

Комбриг долго смотрел вслед скрывшейся в пыли колонне машин и бронетранспортеров. В его «советских» мозгах, что-то явно сдвинулось, он многое стал осознавать иначе, чем всего пару часов назад. Во всяком случае, он теперь понимал, почему его ровесник так выдвинулся именно на этих двух войнах.

В оформлении обложки использовано фото с интернет-портала МО РФ: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12142350@egNews по лицензии Creative Commons Attribution 4.0